

За последние десятилетия изучение процессов грамматикализации прочно вошло в круг актуальных исследовательских проблем современной лингвистики. В рамках данного направления типологов интересовал прежде всего вопрос о соотношении исходной (лексической) и производной (грамматической) семантики языковой конструкции: из каких лексических единиц может развиваться определенное грамматическое значение и наоборот – какие грамматические значения могут появиться у заданной лексической единицы. В результате было обнаружено и каталогизировано значительное количество грамматикализационных цепочек, отражающих возможные комбинации такого рода (см. прежде всего [Heine, Kuteva 2002] и др.).

В гораздо меньшей степени пока что изучены детали, характерные для каждого конкретного пути грамматикализации. Действительно, на первом этапе важно было показать, что диахронические процессы в грамматике осуществляются не произвольно, а в соответствии с регулярными моделями, воспроизводимыми в генетически и ареально далеких друг от друга языках. Для этого достаточно было найти источник для того или иного показателя и убедиться, что аналогичные источники засвидетельствованы для этого грамматического значения и в других языках. Теперь же, когда перечень типологически релевантных моделей пусть и далеко не полон (так, грамматикализационный потенциал признаковой лексики изучен пока очень слабо), но тем не менее достаточно представителен, пришло время более тщательного анализа каждого отдельного пути грамматикализации – лексических, морфологических и синтаксических условий реализации перехода в конкретных языках.

Именно такую цель и преследует рецензируемая монография. Объектом исследования в ней являются конструкции, состоящие из глагола 'дать' и инфинитива, в трех славянских языках – русском, польском и чешском. В результате грамматикализации они могут приобретать каузативную и – далее – модально-пассивную семантику. В типологической литературе эти пути эволюции хорошо известны, см., например, о развитии каузативных показателей из 'дать' в [Newman 1996] и [Heine, Kuteva 2002], о пассивах на базе каузативов в [Haspelmath 1990].

На этом фоне задача исследования Р. фон Вальденфельса состоит не просто в фиксировании соответствующих переходов, но в детальном сопоставительном описании

семантики, лексического наполнения и грамматических особенностей рассматриваемых конструкций в трех языках, а также особенностей их диахронического развития.

Книга состоит из семи глав, библиографии и терминологического указателя.

Глава 1 представляет собой введение и обсуждение теоретических предпосылок работы. Она включает в себя четыре тематических блока. В первом из них кратко характеризуются семантические типы конструкций вида «'дать' + инфинитив», засвидетельствованные в русском, польском и чешском, а также содержится общий обзор структуры работы. Далее следуют три теоретических блока, посвященных, соответственно, исследованиям по грамматикализации, каузативам и соотношению модальной и каузативной семантики.

В своем описании процесса грамматикализации автор опирается на интуитивно понятное представление в духе классических работ К. Лемана, Б. Хайне, Дж. Байби, Э. Траугот и др. При этом отдельные расхождения в теоретических установках этих исследователей для задач автора оказываются, по-видимому, не столь существенными. Однако, приводя схему параметров грамматикализации, разработанную К. Леманом, автор отмечает, что многие из них не применимы к тем явлениям, которые наблюдаются при грамматикализации конструкций с глаголом 'дать' в славянских языках.

Раздел о каузативах содержит обзор семантических и синтаксических типов каузативных конструкций, которые существенны для следующего изложения. На семантическом уровне речь идет, во-первых, о типах каузации – пермиссив ('позволить сделать') и фактитив ('заставить сделать'). Пермиссив далее подразделяется на две разновидности в зависимости от степени участия каузатора в каузируемой ситуации: непротивление (non-intervention) и способствование (enablement). В сфере фактитивной каузации специальное внимание уделяется одному ее подвиду – куративу ('действие осуществляется посредством другого лица', ср. в русск. конструкции *Она сшила себе платье*, которая может иметь как некаузативное ['сшила сама'], так и куративное значение ['кто-то сшил для нее']).

Во-вторых, каузативы классифицируются по признаку контролируемости ситуации со стороны каузирующего и каузируемого участника: выделяются манипулятивный тип (только каузатор контролирует ситуацию), интерперсональный тип (оба участника имеют контроль), имперсональный тип (каузатор не контролирует

ет ситуацию, т.е. в роли каузатора выступает ситуация, ставшая причиной для наступления другой ситуации) и когнитивный тип (каузатор выполняет роль стимула для каузируемого участника-экспериментера). Отметим, что в последующих разделах книги при анализе конкретного языкового материала классификация по этому параметру производится достаточно формально: выбор между первыми тремя типами основан на одушевленности участников (т.е. осуществление контроля приравнивается к одушевленности), а четвертый тип соотносится с заданным набором глаголов для каузируемой ситуации (ср. 'понять', 'знать' и др.)

Наконец, на синтаксическом уровне обсуждаются два типа каузативных конструкций: так называемые каузативы типа I (каузируемый участник кодируется падежом объекта) и каузативы типа II (выражение каузируемого участника факультативно, он кодируется косвенным падежом или предложной группой, причем тип кодирования часто совпадает с кодированием агенса в пассивной конструкции). Проводится краткий обзор литературы, посвященной факторам, которые могут определять выбор между этими конструкциями.

Третий теоретический блок – о соотношении модальной и каузативной семантики – содержит, во-первых, наблюдения о типах модальных значений в применении к каузативам. Автор показывает, что каузативы могут выступать в зоне динамической (т.е. обусловленной внутренними свойствами субъекта или объективными внешними обстоятельствами) и деонтической модальности (причем в каузативном варианте эксплицируется источник модальности, который в собственно модальных глаголах содержится лишь имплицитно, ср.: *он должен уйти* vs. *обстоятельства заставляют его уйти*). Напротив, эпистемическая модальность не имеет прямых параллелей в каузативной зоне.

Во-вторых, проводится логико-семантический анализ поведения модальных предикатов и каузативов при отрицании. Оценивая положительные и отрицательные контексты в терминах логической категории информативности, автор приходит к выводу, что предикаты необходимости и фактитивы в большей степени должны тяготеть к положительным употреблением, а предикаты возможности и пермиссивы, скорее, к отрицательным.

Центральную часть монографии составляют Главы 2–4. Они содержат подробные исследования языкового материала отдельно по каждому из трех анализируемых языков. Для каждого языка приводится список синтаксических конструкций, в которых встречается 'дать' в функции грамматикализованного пока-

зателя, подробно описывается методика сбора корпусного материала, обсуждаются существующие исследования по данным конструкциям. Собственно анализ, помимо семантического описания, включает в себя подробные статистические данные, которые показывают, какую долю в общем массиве занимают конструкции с разными морфологическими формами вспомогательного глагола 'дать' (инфинитива, причастия, императива, настоящего и прошедшего времени), а также взаимодействие этих форм с аспектуальной характеристикой и отрицанием. Квантитативная оценка дается также соотношению аспектуальных форм вспомогательного и смыслового глагола.

Глава 2 посвящена русским конструкциям. В русском языке автор выделяет два типа инфинитивных конструкций с глаголом *да[ва]ть*: пермиссивная (*он дал ему отдохнуть*) и гортативная, в которой в роли вспомогательного элемента может выступать только императивная форма глагола несовершенного вида (*давай(те) неть!*). Кроме того, автор упоминает конструкцию со смысловым глаголом в финитной форме (*дай / давай я сделаю / Маша сделает*), которая, не будучи инфинитивной, тем самым выходит за рамки выбранной темы исследования. Отметим, однако, что приводя примеры конструкции такого рода, автор допускает неточность: в функции прагматического маркера императивная форма совершенного вида (в отличие от формы несовершенного вида) не может выступать в сочетании с другим императивом или с глагольной формой с императивным значением (в частности, с глаголом в прошедшем времени). Соответственно, примеры в (24), с. 42: *дай пошли* и *дай иди сюда* являются неграмматичными.

Среди собственно инфинитивных конструкций основную долю в русском образуют пермиссивы. При этом, как и предсказывали теоретические построения в Главе 1, преимущественно они выступают в контексте отрицания. Последовательно рассматривая различные типы каузации (интерперсональную, манипулятивную, имперсональную), автор показывает, что семантика отрицательных пермиссивных конструкций связана главным образом с выражением идеи препятствования, ср.: *Картин ему снимать не давали*. В положительных контекстах преобладает симметричное значение непротивления, ср.: *Может, дадите рассказать, как было дело?*, и гораздо реже встречается семантика способствования, ср.: *Его взяли в сборную, давали играть*.

Из общей статистики употребления пермиссивных конструкций с *да[ва]ть* выбиваются сочетания с императивной формой глагола совершенного вида *дай(те)* (ср.: *дай ей одеться*):

во-первых, они очень частотны – в манипулятивной зоне 23 % от общего числа контекстов с перфективным *dać*. Во-вторых, в отличие от других форм, они крайне редко выступают при отрицании (в 10 % от числа употреблений формы). Автор объясняет эти факты влиянием другой грамматикализованной конструкции с *dać(me)* – с финитной формой глагола, ср.: *дай я им почитаю*, которая прагматически часто сближается с пермиссивной (*дай мне им почитать*). Показательно в этой связи, что в других славянских языках, в частности в польском, сочетание *дай(me)* с финитной формой практически не встречается и, соответственно, не наблюдается и повышенной частотности пермиссивных конструкций с *dać(me)*.

Отдельное внимание уделяется когнитивным каузативам, то есть сочетаниям *da[wa]ć* с глаголами ментальной и перцептивной сферы (*знать, понять, почувствовать* и под.). Показано, что такого рода конструкции типологически частотны и характерны даже для тех языков, в которых ‘дать’ не развивает каузативных значений с глаголами других типов. В диахронической перспективе автор прослеживает тенденцию к лексикализации данных словосочетаний: так, наблюдается сокращение вариативности аспектуальной формы в их составе (например, для глагола *чувствовать* еще допустимы обе видовые формы, хотя совершенный вид – *дать почувствовать* – явно предпочтительнее, тогда как для *понять* перфективная форма в современном языке осталась уже единственно возможной, при этом в XIX в. еще встречается вариант с *понимать*).

Глава 3 посвящена польскому материалу. Здесь, как и в русском, *da[wa]ć* может выступать в пермиссивных конструкциях, но для него характерно и факитивное значение куратива: [...]*piecze dalać na elektrykę przerobić* ‘по моему указанию печи были переведены на электричество’.

Среди пермиссивов, в отличие от русского, подавляющую долю (83 %) образуют рефлексивные употребления. В русском подобные случаи (ср. *Дети дают себя обманывать*) занимают явно периферийное место в системе (10 %). Помимо частотности, важной отличительной чертой польской рефлексивной конструкции является ее синтаксическое поведение: каузируемый участник здесь может выражаться не только дативным дополнением (тип I), как в русском (ср. *дал Александре себя поцеловать*) или как в польских нерелексивных употреблениях, но и предложной группой с *przez* (тип II, ср. *dać się manipulować przez stronę chińską* ‘позволить китайской стороне собой манипулировать’). Правда, конструкции с *przez* пока что малочастотны и допускаются

не всеми носителями, но сам факт их появления уже сближает рефлексивную пермиссивную конструкцию с пассивной.

Семантика пермиссивных конструкций в польском, как и в русском, связана с выражением (не)препятствования и способствования, однако последнее значение в польском встречается чаще, чем в русском. Сравнивая рефлексивные употребления в двух языках (с. 131 и сл.), автор находит между ними достаточно тонкое семантическое различие: в русском описывается намеренное, контролируемое действие каузатора, которое препятствует (или не препятствует) осуществлению ситуации, тогда как в польском важен сам факт (не)наступления ситуации, каузатор не совершает конкретных, осознанных действий. Показательным в этом отношении является соотношение русского примера *Она не дала себя обогнать* и его польского коррелята. По мнению автора, русская конструкция предполагает, что субъект намеренно препятствовал обгону, тогда как польская, скорее, имеет в виду просто быстрое движение субъекта, вследствие которого обгон был невозможен. Тем самым в польском происходит большее стирание конкретных компонентов семантики конструкции (bleaching), что свидетельствует о ее большей грамматикализованности.

Следует заметить, что хотя в целом, по-видимому, это семантическое наблюдение автора имеет под собой основания и русская конструкция действительно может описывать намеренные действия каузатора, тем не менее, это далеко не всегда верно. В частности, как раз в контекстах, аналогичных приведенному выше, речь, как и в польском, часто идет о спортивном превосходстве, а не о конкретном препятствовании. Ср. также без отрицания: *Он выкладывался по полной, но все же дал себя обогнать*, – здесь субъект не только не совершает осознанных действий для достижения ситуации, но, напротив, старается ее избежать. Таким образом, и в русском языке можно говорить о частичном стирании значения, хотя, конечно, остальные признаки грамматикализации, характерные для польской конструкции (высокая частотность, выражение каузируемого участника предложной группой), в русском пока не наблюдаются.

Еще одним важным свидетельством большей грамматикализованности польской рефлексивной конструкции являются особенности ее сочетаемости. В отличие от русского¹,

¹ Заметим, что в русском неодушевленные существительные в рефлексивной конструкции с ‘дать’ возможны только в двух специальных случаях: 1) при метонимическом указании на

в польском при 'дать' широко употребляется неодоушевленный субъект:

- (1) *Książka (NOM.SG) nie da się czytać* 'Книгу невозможно читать' (букв. 'Книга не дает себя читать').

При этом помимо конструкции, формально совпадающей с пермиссивом, т.е. с существительным в именительном падеже («модель с согласованием»), встречается также и «модель без согласования», в которой существительное выступает в падеже прямого объекта (в аккумулятиве в утвердительном предложении и в генитиве при отрицании), а глагол – в немаркированной форме 3 л. ед. ч. (и – в прошедшем времени – среднего рода):

- (2) *Książki (GEN.SG) nie da się czytać* (букв. 'Книги (GEN.SG) не дает себя читать').

В бессубъектной конструкции могут употребляться и непереходные глаголы:

- (3) *Tu się nie da żyć* 'Здесь невозможно жить'.

Подобные конструкции – имперсональные типа (2–3) или с субъектом, не контролирующим ситуацию, типа (1), автор называет «модальным пассивом». Это значение развивается на базе пермиссива и является следующим после него этапом грамматикализации, широко представленным в польском и пока отсутствующим в русском.

Сравнение двух разновидностей польской модально-пассивной конструкции показывает, что модель без согласования (как в (2–3)) грамматикализована в большей степени, чем модель с согласованием (как в (1)). Это проявляется, во-первых, на семантическом уровне: предложение (1) описывает невозможность, обусловленную только внутренними свойствами субъекта, тогда как (2) не имеет таких ограничений, характеризуя любой тип невозможности. Во-вторых, о большей грамматикализованности конструкций типа (2–3) свидетельствует ряд формальных параметров, как, например, фиксированность рефлексивного местоимения в форме *się* (в модели с согласованием при инструментальных глаголах допустима форма *sobą*) или возможность постановки отрицания при инфинитиве (не встречается при согла-

совании). Особое внимание в этой связи автор уделяет анализу аспектуального значения вспомогательного глагола в имперсональной модели. Применяя различные морфологические и синтаксические критерии, автор показывает, что *dać się* в этом контексте приобретает некоторые имперфективные свойства, то есть переходит в разряд двувидовых глаголов и тем самым отчасти сближается с более грамматикализованными модальными глаголами.

В Главе 4 обсуждаются данные чешского языка. Сравнение русского и польского материала уже наметило определенный путь эволюции конструкций с 'дать', чешские же данные показывают, каким может быть дальнейший этап в этой эволюции.

Если в русском каузативная семантика конструкций ограничивалась пермиссивом, в польском наряду с пермиссивом появляется и фактитивная каузация (куратив), но пермиссивное значение все еще остается более частотным, то в чешском фактитив (и прежде всего его куративная разновидность) составляет основную долю всех каузативных употреблений конструкций.

Нерефлексивный пермиссив преобладает в русском, занимает периферийное положение в польском и практически исчезает в чешском, полностью уступая место рефлексивной структуре.

На синтаксическом уровне показательно оформление каузируемого участника: в русском он кодируется дативом (тип I), в польском наряду с дативом спорадически появляются предложные группы (тип II), в чешском и при рефлексивном пермиссive, и при куративе встречаются только конструкции с предлогом *od* (тип II). Дативное оформление в чешском сохраняется лишь для некоторых редких семантических классов (в манипулятивной и имперсональной зонах, а также в значении когнитивной каузации): в таких контекстах встречается ограниченный набор инфинитивов, так что соответствующие сочетания с *dá[va]t* можно считать лексикализованными. Кроме особенностей кодирования каузируемого участника эти употребления отличаются от продуктивных еще и большей частотностью имперфективного *dávat*. Между тем в более грамматикализованных контекстах (например, при рефлексивном пермиссive и куративе) перфективный вариант вспомогательного глагола (*dát*) в значительной степени вытесняет имперфективный (*dávat*).

Этот процесс достиг своего логического завершения для чешского модального пассива: здесь перфектив *dát se* остался единственно возможной формой вспомогательного глагола. И снова чешский отражает более поздний этап в том развитии, которое отмечалось для

лицо / группу лиц: *Polska nie dała się obmanąć* [О. Петров. Фiasco польской Тимошенко // АПН. 2007-10-24]; 2) в конструкции с глаголами *znać*, *czuć* и под. (т.е., в терминологии автора, с когнитивными глаголами): *Neopytność dawała o sobie znać!* [Л. Петрушевская. Город Света // «Октябрь». 2003].

польского, где *dać się* проявляет пока лишь отдельные имперфективные свойства, а *dawać się* еще может выступать в составе модально-пассивной конструкции.

Вместе с тем одна тенденция, которая прослеживается в польском, не имеет прямого продолжения в чешском. Речь идет о двух структурных разновидностях модально-пассивной конструкции. В польском частотнее модель без согласования, в ней участвуют как переходные, так и непереходные глаголы; кроме того, она обнаруживает семантические и формальные отличия от субъектной модели, которые свидетельствуют о ее большей грамматикализованности в сравнении с последней.

В чешском модель без согласования периферийна, она встречается преимущественно с непереходными глаголами и при этом не имеет тех семантических и формальных отличий от субъектной конструкции, которые наблюдались в польском. Вместе с тем и субъектная, и имперсональная модель по своим свойствам сопоставимы с более грамматикализованной польской конструкцией – моделью без согласования. Более того, по некоторым параметрам (ср., в частности, обсуждавшиеся выше аспектуальные характеристики ‘дать’) степень грамматикализации чешского модального пассива оказывается выше, чем у его польского аналога.

Главы 2–4 представляют результаты анализа, проведенного на базе больших одноязычных корпусов, и уже содержат основные выводы, касающиеся грамматикализации ‘дать’ в трех исследуемых славянских языках. Эти данные в последующих главах верифицируются и дополняются по материалам параллельного корпуса и диахронических источников.

В **Главе 5** проводится краткий сопоставительный анализ конструкций с ‘дать’ по данным двух подкорпусов параллельного корпуса ParaSol – русско-польского и меньшего по объему русско-польско-чешского. Автор последовательно рассматривает основные значения, выявленные для сочетаний ‘дать’ с инфинитивом, и сравнивает конструкции с этим значением в одном языке с их переводными аналогами в других языках. Так, из 73 примеров польского рефлексивного пермиссива с ‘дать’, найденных в русско-польском подкорпусе, лишь 17 случаям соответствует конструкция-когнат (*dać siebie*). Чаще (24 раза) его эквивалентом является конструкция с глаголом *позволить*. Напротив, русский рефлексивный пермиссив в абсолютном большинстве случаев переводится на польский конструкцией с ‘дать’. Это соотношение коррелирует с данными о частотности рефлексивного пассива в одноязычных польском и русском корпусах.

В целом, чем больше распространен определенный семантический тип конструкции в языковой системе по данным одноязычных корпусов, тем чаще она появляется в качестве переводного эквивалента для конструкции-когната из другого языка. Тем самым материал параллельного корпуса косвенно подтверждает выводы предшествующих глав об относительной степени грамматикализованности той или иной конструкции в каждом из трех языков.

Глава 6 посвящена эволюции конструкции «‘дать’ + инфинитив» в диахронии. Здесь обсуждается датировка тех процессов, которые были выявлены в результате сопоставления синхронных данных.

Сначала автор обращается к словарям старославянского языка и некоторым источникам и устанавливает, что пермиссивное значение конструкции с ‘дать’ характерно уже для самых ранних текстов, и при этом оно не является калькой с латыни или греческого.

Далее последовательно рассматриваются исторические данные для каждого из трех языков. Основными источниками русского материала послужили «Повесть временных лет» и подкорпус текстов XVIII в. НКРЯ.

Анализируемые конструкции в русском не претерпели существенных изменений по сравнению со старославянским. Новым в системе является только развитие сочетаний с императивом *дай(те) / давай(те)*. Автор предполагает, что гортативные конструкции типа *давайте* *неть* появляются независимо от пермиссивных, как результат упрощения структуры с личной формой глагола *давай(те) будем неть*. В свою очередь, конструкция с финитной формой является усилением простого – неаналитического – гортатива: *споем / будем неть* → *давайте споем / давайте будем неть*.

В целом гипотеза о независимом развитии пермиссива и гортатива кажется вполне правдоподобной, однако идея об упрощении аналитической структуры с *будем* не совсем согласуется с данными корпуса: в НКРЯ первый пример гортативной конструкции вида «*давай(те) будем* + инфинитив» появляется у Салтыкова-Щедрина (1874 г.), тогда как сочетание «*давай(те)* + инфинитив» встречается в текстах уже с самого начала XIX в. Всего в текстах XIX в. конструкция «*давай(те) будем* + инфинитив» нашлась четыре раза, между тем в подкорпусе текстов первого десятилетия XXI в., объем которого примерно равен подкорпусу XIX в., таких конструкций 23, во фрагменте газетного подкорпуса примерно того же объема (тексты с 2000 по 2004 г.) – 24. Тем самым можно предположить, что конструкция с *будем* распространилась довольно поздно, по аналогии с сочетаниями с синтетической фор-

мой будущего времени (вида *давай(те) споем*), хотя для надежных выводов, конечно, требуется привлечение большего числа языковых данных.

Таким образом, вопрос о механизме появления гортативной конструкции (*давайте петь*) остается открытым. Как кажется, полная картина эволюции императивных конструкций невозможна без обращения к историческим данным по разным типам сочетаний с *да[ва]ть*, включая не только гортатив, но и другие финитные формы, в которых может выступать смысловой глагол при *да[ва]ть*. Важно на диахроническом уровне очертить границы употребления форм *дай(те)* и *давай(те)* в различных семантических контекстах. Наконец, автор исключил из своего исследования инхотативную конструкцию со значением внезапного действия, которая является самой частотной инфинитивной конструкцией с *давай* в текстах НКРЯ XVIII–XIX вв.:

- (4) *Тут пошехонцы оробели, дрогнули, побежали и давай прятаться: кто в гору, кто в нору, а иные, поджав хвосты, в часты кусты* [О.М. Сомов. Сказка о Никите Вдовиниче (1825–1833)].

Эта конструкция в силу распространенности, по-видимому, также играла определенную роль в процессе исторической эволюции сочетаний с *давать* и тем самым, безусловно, должна учитываться в общем диахроническом анализе.

В качестве источника чешских данных автор использует исторический подкорпус Чешского национального корпуса (тексты XIV–XVI и XVIII–XIX вв.). На его материале можно проследить процессы, выявленные на синхронном уровне: развитие рефлексивного пермиссива (в XIV в. его доля уже примерно равна доле нерелексивных употреблений, причем уже в это время каузируемый участник может быть неодушевленным), появление куратива (первый пример относится к XV в., в XVI в. число куративных употреблений уже превышает количество рефлексивных), переход от дативного к предложному кодированию каузируемого участника (последний пример датива встречается в XVIII в., самая ранняя предложная конструкция – в XVI в.). Наконец, модальный пассив фиксируется в текстах начиная с XVI в., но только с середины XIX в. в этом значении выступают непереходные глаголы.

Польские данные собирались по различным историческим словарям и текстовым источникам, доступным в электронном виде. Основные предпосылки и тенденции эволюции польских конструкций сходны с чешскими, тем не ме-

нее, результаты развития, наблюдаемые в современных языках, несколько различаются. Так, в польском тоже в XV в. засвидетельствованы примеры куративных конструкций, однако доля таких употреблений не столь велика, как в чешском, а к XVIII в. и вовсе наблюдается их спад. Кодирование каузируемого участника предложной конструкцией в обоих языках встречается с XVI в., но в чешском оно полностью вытеснило дативное кодирование, а в польском оно продолжает оставаться периферийным.

Некоторые из этих расхождений получают объяснение в заключительной **Главе 7**, в которой обобщаются результаты работы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Здесь автор еще раз пошагово рассматривает все этапы в рамках основного изучаемого им пути грамматикализации конструкций с ‘дать’ – от сочетания с полнозначным глаголом через пермиссив к модальному пассиву – и анализирует механизмы каждого отдельного перехода.

В частности, обсуждается природа семантического сдвига, приводящего к появлению пермиссивного значения. Этот сдвиг можно, с одной стороны, интерпретировать как метафору: в этом случае каузируемая ситуация осмысливается как объект передачи. С другой стороны, семантику пермиссива можно трактовать как конвенционализованную импликацию, развивающуюся на базе ситуаций с объектным участником, ср.: *Он дал ему книгу почитать*, где из факта передачи книги следует, что субъект способствует тому, чтобы адресат ее прочитал. Это значение затем распространяется и на безобъектные ситуации.

Как справедливо отмечает автор, на славянском материале выбрать одну из двух гипотез как более вероятную затруднительно, однако, как кажется, такую задачу интересно было бы поставить в типологической перспективе. Более надежной верификации поддается вторая гипотеза: для ее подтверждения необходимо, во-первых, чтобы в языке, в котором имел место данный переход, инфинитив имел целевое значение. Во-вторых, в диахронической перспективе конструкции с переходными глаголами должны появляться раньше, чем с непереходными. В славянских языках, как отмечает автор, процесс развития пермиссивного значения имел место до появления письменных источников, так что проверить очередность развития конструкций невозможно. Показательным в этом отношении был бы язык, в котором развитие пермиссива из ‘дать’ зафиксировано в период его письменной истории или представляет собой актуальный процесс.

Еще одним вопросом, который автор обсуждает в заключительной главе, является источник возникновения фактитивного каузативного значения: появляется ли оно на базе пермиссивного или же непосредственно от глагола 'дать'. Переход от пермиссива к фактитиву в принципе хорошо известен в типологической перспективе, однако для славянских языков, по мнению автора, этот путь грамматикализации по ряду причин представляется маловероятным.

Синтаксическая проблематика, связанная с эволюцией 'дать', включает прежде всего развитие предложных конструкций для кодирования каузируемого участника. Здесь автор обсуждает связь между употреблением предложных групп, соответственно, с *przez* в польском и *od* в чешском, в различных синтаксических контекстах (пассив, отглагольные имена, пермиссивный и фактитивный каузативы). Расхождение между польским и чешским в этой зоне – наличие дативного кодирования в польском и его исчезновение в чешском – автор объясняет сохранением в польской системе нерелексивного пермиссива, который полностью утрачен в чешском. Поскольку при нерелексивной конструкции каузируемый участник кодируется дативом и при этом носителями языка ощущается формальная связь между релексивным и нерелексивным вариантами конструкции, то датив продолжает использоваться и для релексивного пермиссива.

Наконец, отдельное внимание в Заключении автор уделяет роли немецкой конструкции с *lassen* в развитии каузативов с 'дать' в польском и чешском.

Монография имеет ясную и четкую структуру, каждая глава предваряется обзором, представляющим содержание ее частей, в конце каждого раздела резюмируются полученные результаты.

В целом работа представляет удачный пример корпусного лингвистического анализа такого рода, который иногда называют «корпусно обусловленным» (*corpus driven*) в противоположность исследованиям, «основанным на корпусе» (*corpus based*) (см. [Tognini-Bonelli 2001]). Первый подход, в отличие от второго, предполагает использование корпуса не просто как источника примеров или как инструмента для проверки априорных гипотез, но и как основы для формирования самих гипотез. Иными словами, работа начинается с массива данных, извлеченных из корпуса, и далее все обобщения и выводы строятся исключительно на этой эмпирической базе.

Более того, рецензируемое исследование применяет эту индуктивную корпусную методику трижды: на синхронном материале отде-

льных языков, на параллельном корпусе и на диахронических источниках. И все три перспективы замечательным образом подтверждают и уточняют друг друга, и в итоге вырисовывается общая стройная картина эволюции славянских конструкций вида «'дать' + инфинитив» в рамках одного пути их грамматикализации – через пермиссив к модальному пассиву.

Правда, другие направления развития данных конструкций интересуют автора в меньшей степени, так что они в работе обсуждаются не столь подробно (например, гортатив в русском) или не рассматриваются вовсе (как русская инхотативная конструкция со значением внезапного действия).

Менее детальные и разделы, посвященные одному из типов каузации – когнитивному, который также образует особую ветвь развития изучаемых конструкций. Этот класс рассматривается отдельно от остальных видов каузативных оборотов и определяется прежде всего принадлежностью инфинитива при 'дать' к некоторому списку глагольных лексем. Между тем критерии составления этого перечня не вполне понятны. В результате, например, на русском материале семантически и формально близкие конструкции оказываются помещенными в разные типы, ср. (5) и (6):

(5) *А только странная вещь — счастье. Сразу никогда себя не даст различить* (с. 100).

(6) *Следы пережитого давали себя почувствовать в самые неожиданные моменты* (с. 106).

В обоих предложениях использована релексивная конструкция и в позиции субъекта выступает неодушевленное существительное, но при этом (6) признается стандартным употреблением со значением когнитивной каузации, а (5) – исключительным примером релексивного имперсонального каузатива. Его исключительность, однако, обусловлена как раз проявлением свойств, характерных для когнитивного типа конструкций, а именно, допустимостью неодушевленного субъекта при релексиве. В целом, как кажется, особенности когнитивных каузативов с 'дать' заслуживают дальнейшего изучения, в том числе – в силу распространенности этого явления – и в более широкой типологической перспективе, и интересные наблюдения автора, касающиеся прежде всего эволюции таких конструкций в русском, будут здесь хорошей основой.

Важно, что в монографии подробно представлен тот фактический материал, с кото-

рым работает автор. Помимо статистических обзоров, отражающих встречаемость различных характеристик конструкций в собранном массиве, следует особо отметить обширные лексические данные. Для каждого семантического типа инфинитивных сочетаний с 'дать' в каждом языке приводятся упорядоченные по частотности списки глаголов, которые могут выступать в составе конструкций данного типа. Все это позволяет читателю не просто следить за ходом рассуждений автора, но и строить собственные гипотезы и ставить новые задачи на собранном им материале, что всегда делает процесс чтения более увлекательным.

Так, интересно было бы проверить поведение конкретных глагольных лексем в отношении формальных характеристик конструкции (наличие отрицания, форма вспомогательного глагола). Такой отдельный анализ автор проводит для глаголов ментальной и перцептивной сферы, но, по-видимому, и за пределами этой зоны статистика для некоторых лексических единиц может существенно отклоняться от общих закономерностей, которые автор выявляет на полном массиве данных. Представляется, что глаголы разных семантических классов тяготеют к различным грамматическим кон-

текстам, так что можно было бы выделить несколько подтипов общей конструкции «'дать' + инфинитив», каждый со своими формальными и семантическими ограничениями. И эти подтипы чрезвычайно интересно было бы сравнить по данным разных языков.

Но все это будущие задачи, сама постановка которых становится возможной во многом благодаря появлению монографии Рупрехта фон Вальденфельса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Haspelmath 1990 – *M. Haspelmath. The grammaticization of passive morphology // Studies in Language. 1990. V. 14. № 1.*
- Heine, Kuteva 2002 – *B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.*
- Newman 1996 – *J. Newman. A cognitive linguistic study. Berlin; New York, 1996. (Cognitive linguistics research. 7.)*
- Tognini-Bonelli 2001 – *E. Tognini-Bonelli. Corpus linguistics at work. Amsterdam, 2001. (Studies in corpus linguistics. 6.)*

Т.И. Резникова

Сведения об авторе:

Татьяна Исидоровна Резникова
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
tanja.reznikova@gmail.com